

Оригинальная статья
УДК 17:304.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-15-30>

Концепт когнитивного пространства в контексте когнитивной секьюритологии

Ольга Васильевна Плебанек

*Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия,
plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>*

Введение. В статье обсуждаются концептуальные основы новой области знания – когнитивной секьюритологии. Актуальность исследования связана с тем, что основными средствами когнитивных войн являются современные цифровые технологии, при этом объектом воздействия технических систем являются ментальные системы, поэтому возникает необходимость совмещения технического понятийного аппарата и гуманитарного. Целью статьи является уточнение понятия «когнитивное пространство» и разграничение понятий информационного и когнитивного пространств.

Методология и источники. Одним из базовых понятий когнитивной безопасности является понятие когнитивного пространства, которое уже разрабатывалось в лингвистике, но в связи с междисциплинарным характером когнитивной секьюритологии нуждается в уточнении. Помещение в поле лингвистического анализа категории когнитивного пространства сужает его содержание и не дает возможности определить его смысловые границы. Новизна анализа категории «когнитивное пространство» заключается в том, что в основу концептуального анализа категории когнитивного пространства положена концепция самоорганизующихся систем и структурно-функциональный подход. Концепция автопоэзиса предполагает, что все элементы и структуры системы, в том числе и когнитивные, возникают в целях обеспечения самосохранения, а структурно-функциональный подход позволяет определить содержание и функции объекта.

Результаты и обсуждение. Информационное и когнитивное пространства представляют собой пересекающиеся, но не совпадающие поля, различающиеся по своим доменам, но имеющие одну общую задачу – обеспечение устойчивости социальной системы.

Заключение. Современная эпоха характеризуется глобальным противостоянием цивилизационных систем и переходом противоборства в фазу прокси-войн, в которых основная роль отводится когнитивно-психологическому воздействию. Когнитивно-психологическое воздействие на противника не только осуществляется на превентивном и преемтивном этапе противоборства, но зачастую заменяет и другие формы войны. Когнитивно-психологическое воздействие становится возможным и осуществляется посредством разрушения когнитивного пространства, где функционируют специфические для общественной системы смыслы и идеалы, формирующие цели и модели деятельности.

Ключевые слова: социальная философия, информационное пространство, когнитивное пространство, информация, смыслы, культуротип, когниции

Для цитирования: Плебанек О. В. Концепт когнитивного пространства в контексте когнитивной секьюритологии // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 15–30. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-15-30.

© Плебанек О. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Concept of Cognitive Space in the Context of Cognitive Securitology

Olga V. Plebanek

*University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia,
plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>*

Introduction. The article discusses the conceptual foundations of a new field of knowledge – cognitive securitology. The relevance of the study is due to the fact that the main means of cognitive warfare are modern digital technologies, while the object of influence of technical systems is mental systems, therefore there is a need to combine technical and humanitarian conceptual apparatus. The purpose of the article is to clarify the concept of “cognitive space” and distinguish between the concepts of information and cognitive spaces.

Methodology and sources. One of the basic concepts of cognitive security is the concept of cognitive space, which has already been developed in linguistics, but due to the interdisciplinary nature of cognitive securitology needs to be clarified. Placing the category of cognitive space in the field of linguistic analysis narrows its content and does not make it possible to determine its semantic boundaries. The novelty of the analysis of the category “cognitive space” lies in the fact that the conceptual analysis of the category of cognitive space is based on the concept of self-organizing systems and the structural-functional approach. The concept of autopoiesis assumes that all elements and structures of the system, including cognitive ones, arise in order to ensure self-preservation, and the structural-functional approach allows us to determine the content and functions of the object.

Results and discussion. Information space and cognitive space are intersecting but not coinciding fields, differing in their domains, but having one common task – ensuring the stability of the social system.

Conclusion. The modern era is characterized by a global confrontation between civilizational systems and the transition of the confrontation into the phase of proxy wars, in which the main role is given to cognitive-psychological influence. Cognitive-psychological influence on the enemy is not only carried out at the preventive and preemptive stages of confrontation, but also often replaces other forms of war. Cognitive-psychological influence becomes possible and is carried out through the destruction of the cognitive space in which meanings and ideals that are specific to the social system function, which form goals and models of activity.

Keywords: social philosophy, information space, cognitive space, information, meanings, cultural type, cognitions

For citation: Plebanek, O.V. (2024), “The Concept of Cognitive Space in the Context of Cognitive Securitology”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 15–30. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-15-30 (Russia).

Современные технологии помимо повышения благосостояния человечества принесли миру и новые риски и угрозы в виде гибридных войн, прокси-войн и информационно-когнитивных войн (cognitive warfare). Все эти виды противостояний основаны на комплексных технологиях, включающих как арсенал естественно-научного и технического, так и социально-гуманитарного знания. Из-за того, что принципиальной особенностью научного знания являются дисциплинарные границы, существует проблема совмещения понятийного и теоретического аппарата наук различной природы. Одной из таких точек, в которых сочленяются естественные, точные и гуманитарные науки, является категория информацион-

ного/когнитивного пространства. Часто представители различных отраслей науки идентифицируют эти понятия как синонимы, но также часто не видят смысла в одном из них, полагая либо одно, либо другое достаточным инструментарием для развития теории. Обе позиции являются ошибочными, и мы попытаемся, с одной стороны, наметить линию разграничения этих понятий, с другой стороны, обозначить точку, в которой соединяются предметные области различных научных дисциплин. Находить эти сопряжения логично в наддисциплинарном масштабе с прояснения сущности познавательной деятельности вообще.

Логика развития познавательной деятельности вообще и конституирования научного познания в частности находится в непосредственной связи с необходимостью обеспечения жизнеспособности популяции – необходимостью обеспечения безопасности и конкурентоспособности конкретного социума. Так становление самого научного знания, которое возникло только как естествознание, стало следствием необходимости обеспечить естественные физические потребности человека – увеличить производство продуктов питания, а также его физическую защиту посредством технических усовершенствований. Корреляцию развития познавательной деятельности и повышения жизнеспособности популяции хорошо иллюстрирует увеличение средней продолжительности жизни. Современная антропология дает средний возраст палеолитических людей, вычисленный по анализу остеологических находок, в пределах 20–23 лет [1]; с переходом к производящей технологии (земледелие) этот показатель растет и достигает примерно 30 лет в античности и средневековье; в промышленную эпоху он достигает 40 лет. Преодоление рубежа, когда главный антропоцидный фактор из природной среды переместился в социальную, стало тем триггером, который вызвал конституирование группы социальных наук. И именно рост технического могущества человека поставил проблему: необходимо защитить человечество от антропоцидных идеологий (и техники на службе деструктивных идеологий) и от идеологически и психически девиантных индивидуумов, которые могут использовать и используют резко возросшую мощь технических средств во вред социальной системе. Так возникла психология (наука в первую очередь о поведении, а уж потом когнитивная психология – наука о мышлении) и науки о продуктах человеческого мышления и их функциях в человеческой среде – гуманитарные науки. При всех отличиях в предмете и методе между естественными и гуманитарными науками единство их связано с единством задач познавательной деятельности, возникшей у живых организмов как механизм адаптации и преодоления рисков.

Итак, чтобы разобраться с содержанием интересующих нас понятий, принадлежащих к разным областям научного знания – информационное пространство (техническое знание) и когнитивное пространство (гуманитарное знание) – необходимо начинать с вопроса о функции, выполняемой познавательной деятельностью в существовании живых систем. Понятие системы (а не организма) здесь возникло не случайно. Эволюционная биология не завершила дискуссии о механизмах эволюции, но позиция современной науки заключается в том, что существуют механизмы как геноцентричного отбора¹, так и эпигенетические механизмы [4]. И самый известный популяризатор идеи геноцентризма в своей другой, не менее известной

¹ Книга Р. Докинза (1976) «Эгоистичный ген» (The Selfish Gene) [2] сделала широко известной геноцентричную концепцию эволюции. Идею геноцентричной эволюции, позволяющей объяснить с позиций биологии такие явления социальной жизни, как альтруизм, nepoтизм и др., начал разрабатывать еще в 30-е гг. XX в. Роналд Фишер (Fisher R. A. The Genetical Theory of Natural Selection. 1930 [3]). Но Докинз является талантливейшим популяризатором науки.

книге «Расширенный фенотип» [5] далее показал, что эволюционное влияние гена выходит за пределы организма, заставляя организмы формировать экониши, создавая адаптивную среду. Это означает, что адаптивные средства живого выходят далеко за пределы организма, включая группу индивидуумов и даже саму среду, с которой взаимодействуют.

Основной закон существования живого – обеспечение безопасности организма, транслярующего свой генотип последующим поколениям. Критерием эволюционной успешности той или иной формы живого является способность вида к численному увеличению, занятию всех возможных экологических ниш и длительность существования во времени [6]. По мере усложнения биоты усложняются и средства обеспечения безопасности, эволюционируя от организмических средств – покровы, способность к движению и т. д., к использованию внеорганизмических средств защиты – способности прогнозирования, созданию искусственных объектов и построению эффективных коллективных стратегий выживания. Человеческие популяции подчиняются тем же законам существования, что и все популяции живых существ: эволюционно успешные формы организации человеческих сообществ стремятся к численному увеличению, распространению на все пригодные для жизни и эксплуатации территории и максимальной трансляции своей жизненной модели во времени.

Обыватель полагает (независимо от того, того стоит ли он твердо на позициях эволюционизма или считает, что вначале было Слово), что функцией когнитивных систем является получение информации об окружающем мире, а информация является отражением метафизических свойств мира, и поэтому то и другое имеют объективный и константный характер. Именно такое представление о когнитивных системах создает основание для смешения и отождествления информационного и когнитивного пространства. Однако уже само содержание понятий информации и когниции не позволяет их отождествлять. В самом общем виде, под информацией понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [7]. С возникновением информационной технологии потребовалось развести понятия *данные* и *информация*, хотя в неспециализированном дискурсе эти понятия могут употребляться как синонимы. Под данными стала пониматься информация в формализованном виде, с одной стороны, с другой стороны, информация – это интерпретация данных, которые представляют собой сведения о состоянии объекта, значениях его состояния.

Что касается словосочетания *информационное пространство*, то его содержание зависит от дисциплинарного поля дискурса. В информатике под информационным пространством понимаются определенные локусы сетей, где субъект получает (ищет) информацию – сайты, база своего компьютера, интернет-пространство, т. е., единство материальных и технологических средств. Технологическому подходу противостоит гуманитарный: в организационном смысле под информационным пространством понимается мир семантической деятельности человека, сопряженный с онтологическим миром, но противопоставленный физическому, объектному пространству; система кодифицирования и распространения знаний в социуме [8]. В этом аспекте и возможно сочленение двух понятий *информационное пространство* и *когнитивное пространство*.

Знания – это данные, наделенные смыслом. Смысл появляется в процессе когниции. Под когницией понимается процесс преобразования сенсорной (невербальной, вербальной и в иной форме) информации в знание. В свою очередь знание – это понимание полученной информации

об объекте, т. е. отражение информации в сознании человека. Когнитивный процесс представляет собой совокупность ментальных процессов различного уровня, посредством которых *осуществляется обработка и трансформация информации в знание*. Особенностью знания, в отличие от информации, является наличие в нем не только объективной составляющей (данных), но и субъективной – целей субъекта познавательной деятельности и его отношения к объекту. Причем часть когнитивных процессов является необходимым свойством всего живого², но некоторые уровни когниций являются атрибутивным свойством только вида, обладающего сознанием и разумом. Высшие формы когнитивных процессов заключаются в порождении не информации (данных о реальном мире), а смыслов – отношения к объектам реального мира, идей, концептов, идеалов, целей и т. д. Когнитивные процессы включают информационные процессы, под которыми понимаются *«процессы получения, создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и использования информации»* [10], тогда как когнитивные процессы в своих высших формах создают смыслы – мотивы и цели деятельности.

В соответствии с этой концепцией, эффективность наших действий, нашей деятельности находится в зависимости от способности означивать объекты и процессы и существовать в этой искусственной, знаково-символической среде. Существование знаково-символических систем позволяет нам согласовывать свои действия, обеспечивает социальные взаимодействия, и в первую очередь именно знаки и символы побуждают нас действовать и действовать особым образом, а не сами вещи, естественное содержание которых может совсем не совпадать с тем содержанием, которое придает им действующий субъект. Например, некоторые волокна, естественный смысл которых заключается в распространении прикрепленного к нему семени (хлопок), будучи сплетенными, окрашенными и привязанными к куску дерева, собирают большое количество людей вместе (знамя), толкают их на агрессивные действия по отношению к другим людям (война), тем самым позволяя уже их семени (этим людям, объединившихся под окрашенными особым образом волокнами) распространяться на другие территории (эволюционная эффективность моделей поведения).

Человек отличается от других видов живых существ тем, что его видовая стратегия выживания является:

а) артификационной (или техногенной) – защита от рискогенных природных и социальных агентов осуществляется посредством искусственных средств защиты, создание и использование которых требует искусственных же средств взаимодействия;

б) консолидированной – в силу самого длительного периода созревания взрослой особи, связанного с необходимостью формирования когнитивного аппарата, которое происходит постнатально и в конкретной знаково-символической среде, осуществление защиты всегда является делом коллектива;

в) коммуникационной – в соответствии первыми двумя факторами безопасность индивида находится в зависимости от совершенства коммуникативных средств;

² Чилийские нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела [9] выдвинули концепцию, согласно которой когнитивное явление представляет собой результат действия живого (любого) существа, и этот процесс (порождения когнитивных явлений) является «причиной возникновения живых существ, подобных нам, способных порождать описания и размышлять над ними, что является реализацией их эффективной деятельности как живых существ в области их существования». С тех пор эта концепция получила название концепции автопоззиса и вошла как парадигмальное основание во все отрасли современного знания. Порождение новых когнитивных средств и есть процесс самоорганизации. Концепт когнитивного пространства в контексте когнитивной секьюритологии

г) знаково-символической – все предшествующие специфические для вида *Homo Sapiens* особенности обеспечения безопасности могут осуществляться только в знаково-символической среде, посредством которой формируются цели долгосрочной и краткосрочной деятельности, регулируются взаимодействия и проектируются технические объекты.

Вследствие того, что именно знаково-символические средства обеспечивают эффективность функционирования всей системы безопасности, на поздних стадиях развития техногенной среды решающее значение имеют когнитивные механизмы безопасности. Это не только способность человека создавать технические средства защиты/нападения. Главным образом это способность человека к саморефлексии (как отдельных представителей популяции, так и социальных групп, наделенных ответственностью за безопасность популяции), способность создавать дальнесрочные стратегии деятельности, способность создавать общие цели и консолидирующие идеалы и ценности, позволяющие объединить большие группы людей, что само по себе увеличивает защищенность популяции и способствует трансляции генотипа и культуротипа в пространстве и во времени.

Общественная система, создающая наиболее эффективные хозяйственные технологии (от присваивающих типов хозяйства до шестого технологического уклада³), обеспечивает себе лучшее удовлетворение физических и социальных нужд и уже поэтому является более конкурентоспособной. Но полную конкурентоспособность и защищенность популяции как в естественной, так и в социальной среде способны обеспечить когнитивно-ментальные механизмы: сплоченность и согласованность деятельности, суггестивно-информационное воздействие, которое всегда играло важную роль в обеспечении выживаемости группы и обеспечивается когнитивными средствами. Однако речь идет и о более масштабных процессах – о формировании в человеческой популяции когнитивных стратегий.

Начало исследований эволюции популяционного мышления было положено в начале XX в. антропологами К. Леви-Строссом [13] и Л. Леви-Брюлем [14], которые исследовали так называемое первобытное мышление, а также К. Г. Юнгом, выявлявшим культурные различия в мышлении [15, 16]. В настоящее время картина становления популяционного мышления дополнилась и имеет серьезную эмпирическую верификацию. В самом общем виде, современная позиция когнитивной науки заключается в следующем:

– мыслительные (когнитивные) стратегии формировались в человеческой популяции в процессе производственной деятельности и обслуживании деятельности [17] (т. е. не появление новых форм мышления способствует появлению новых технологий, а наоборот – изменение деятельности требует изменения мышления);

– рациональное мышление в человеческой популяции формировалось в западном культурном круге, в античной цивилизации в процессе обслуживания ремесленной технологии и формирования рациональных способов принятия решений в условиях полисной демократии, а завершено формирование синистрального модуса мышления⁴ в процессе перехода к промышленной технологии (когда и произошло окончательное отделение науки от философии [18, 19]);

³ Понятие шестого технологического уклада было предложено в работах С. Ю. Глазьева [11], но уже есть попытки прогнозировать седьмой технологический уклад, содержанием которого являются когнитивные технологии [12].

⁴ Левополушарный модус мышления (от лат. *sinistrum* – левый), основной характеристикой которого является абстрактно-логические процедуры взаимодействия с действительностью.

– в незападных культурных системах, где доминирует земледельческий тип хозяйства и соответствующие социальные институты, адекватной мыслительной стратегией является так называемый декстральный⁵, правополушарный модус мышления, поэтому в этих культурных системах закрепился интуитивно-эмоционально-образный способ взаимодействия с действительностью [20]. Но при трансформации культуры и переходе к индустриальной технологии неизбежно в популяции синистральный модус мышления становится доминирующим;

– рациональное мышление возникло в связи с нуждами обслуживания механических объектов и поэтому имеет принципиальные ограничения (как и интуитивно-образное), а появление новых, сложных и сверхсложных объектов деятельности – ИИ и смена характера взаимодействия с действительностью (становление и доминирование новой технологии) потребует соответствующего изменения когнитивной стратегии [21].

Все это означает, что существуют культурные системы, в которых доминирует определенный тип когнитивности, и эта связь обусловлена свойствами естественной и артифицированной среды в которой существует популяция. При этом культурные системы занимают не только реальное географическое пространство, и это пространство определяется не местоположением относительно нулевого меридиана, а социо-культурогенезом. Так называемые «западные» культурные системы (а вместе с ними и пространство доминирующего когнитивного стиля) могут находиться к востоку от условной линии, отделяющей культурный Запад от Востока, и наоборот, – так называемые «восточные» культурные системы (и пространство доминирования соответствующего когнитивного стиля) могут находиться на западе от условной линии противостояния Востока и Запада⁶. Например, один из основателей нейролингвистического программирования, Э. Холл [22], показал, что современные Израиль, Новая Зеландия и Австралия в эмпирических исследованиях демонстрируют западный когнитивный стиль, тогда как Россия, Венгрия и даже Ирландия демонстрируют восточный.

Взаимозависимость характера деятельности и доминирования когнитивного стиля – это только один аспект формирования когнитивных систем. По мере укрупнения общностей встает вопрос регулирования социальных взаимодействий в связи с тем, что естественные средства регуляции – инстинкты и рефлексy, а также обусловленная социобиологическими законами иерархия – уже не отвечают потребностям увеличившейся социальной системы. Современные исследования в лингвистике и в целом когнитивные науки привели к выводу о том, что именно язык как коммуникативное средство детерминировал появление разума и самосознания [23], так как только в языке стал возможен переход от чувственного восприятия внешней реальности к саморефлексии (невозможно анализировать результаты собственных действий и собственное состояние посредством чувственных ощущений и образов, вне понятийного мышления). Поэтому позиция современной науки заключается в том, что границей возникновения сознания и разума является язык, и именно язык ответственен за возникновение разума, тогда как когнитивные процессы в целом присущи всему животному миру [24]. И если когнитивные процессы как общая категория, отражающая восприятие действительности в целом, не обязательно нуж-

⁵ От лат *dextrum* – правый.

⁶ Условная линия, разделяющая Западный мир и Восточный восходит к распаду Римской империи на Западную и Восточную, но реальное разделение когнитивных пространств началось гораздо раньше – с возникновением различий в хозяйственно-технологических системах, определяющих совокупность ментальной среды. Концепт когнитивного пространства в контексте когнитивной секьюритологии

дается в абстрактных понятиях, то разум как частное и особенное проявление когнитивной деятельности существует только в понятийной форме.

Появление разума как результата оязычивания среды означает появление общностей, объединенных общей историей взаимодействий, а поэтому и общей знаково-символической, языковой средой, в которой циркулируют порожденные этой средой понятия. При этом понятия, формируемые в конкретной естественной и социокультурной (хозяйственно-технологической) среде, при переводе с одного языка на другой имеют не совпадающие в полной мере содержания, что хорошо знакомо лингвистам, переводчикам и специалистам по межкультурной коммуникации. Посредством языка мы в своем мышлении создаем действительность, в которой существуем, так как слова – понятия – это не сами вещи, а знаки, которые координируют и детерминируют нашу деятельность, которые принуждают нас к деятельности. И чем эффективнее коммуникация и координация, тем выше степень безопасности и конкурентоспособности популяции в естественной и социальной среде.

Расширенные группы людей, чтобы быть в состоянии реагировать на возникающие угрозы, должны не столько иметь полноту информации об этих угрозах (относительная полнота информации всегда бывает доступна только части группы, принимающей решения), сколько мотив для совместной деятельности. В связи с необходимостью общего понимания наиболее важных констант бытия и согласованного поведения больших групп людей, в которых помимо понятий кодируется информация, формируются понятия, в которых содержатся символы, принуждающие к согласованным совместным действиям: гроб Господень, Родина-Мать, Алая и Белая розы, Белое движение, Серп и Молот, Священный Джихад, Зеленое движение и т. д. Эти понятия имеют совершенно различное информационное содержание для разных общностей: для строителей коммунизма Белое движение – представители и защитники отжившего режима, объективно препятствующие становлению нового справедливого мира, а для представителей Белого движения и социальных систем, основанных на традициях, – это защитники кодекса чести, присяги, люди, ответственные за наследие предков (именно эту роль берут на себя сегодня бывшие «красные»). Понятно, что когнитивное пространство тех и других не совпадает, хотя они и могут находиться в одном физическом пространстве и даже в одной информационной среде.

На стадии функционирования масштабных макрообщностей (цивилизаций) эффективность организационных структур (политико-правовых, производственных, этно-культурных и т. д.) все больше зависит а) от согласованности когнитивных процессов, б) единства в понимании основных ценностей и смыслов, в) от адекватности выработанных абстрактных категорий и символов условиям, в которых существует популяция, и условиям, в которых предстоит обеспечивать жизнеспособность. В зависимости от того, насколько понятийный аппарат эффективен как средство коммуникации и мотивации, расширенный социум может быть самоуправляемым и саморегулируемым, и его жизнеспособность зависит не столько от циркуляции информации – доступность и полнота информации важна только для уровней принятия решений, сколько от единства когнитивных средств – общего понимания тех важных категорий, которые принуждают к согласованным действиям.

Основанием для вывода о том, что основной функцией языка, детерминировавшей его возникновение, является не информационная (накопление и трансляция информации), а

коммуникационная (и сервильная по отношению к ней мотивационная), является и такой эмпирически установленный факт, что «вербальными средствами в процессе коммуникации передается лишь 7 % (!) общей информации. Оставшиеся 93 % приходятся на невербальные средства коммуникации, куда входят просодические компоненты речи (38 % – голосовые интонации) и визуальные (кинестезические) средства, к которым относятся мимика, жесты, движения глаз, позы тела (55 % общей передаваемой информации)» [25]. Вместе с тем с ростом популяции и усложнением социальной системы, возрастает роль Слова именно как мотивирующего и координирующего средства, тогда как информация – сами «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира» [26] – могут быть усвоены, но не иметь того значения для индивидуума, которое они имеют для всей популяции, или усвоены, но иметь различное значение для индивидуума и для всей популяции.

Вариативность технологической культуры и специфика месторазвития⁷ общественных систем находит свое отражение в языке, который, в свою очередь, формирует человеческое мышление. В языке кодируется не безличная, объективная и универсальная информация, а те смыслы, которые важны для обслуживания и эффективного применения конкретной социальной системы в конкретных естественных и социальных (которые тоже являются естественной средой) обстоятельствах. Предельно универсальная, а потому абстрактная информация существует только для реализации специфических задач науки. Это информация, транслируемая в виде формул и абстрактных символов. Но эта коммуникативная система, адекватная для кодирования количественных характеристик реальности (состояния объектов, выражаемых числом), неэффективна для трансляции качественных свойств реальности, которые находятся в зависимости от состояния и потребностей самого субъекта. Сенсорные системы организмов формировались именно в связи с потребностями субъекта, но в связи с подлинными свойствами объектов. Так ощущения горького и сладкого, боли и удовольствия сигнализируют нам не о сущности объекта, а о полезности или опасности объекта для конкретного организма – то, что является невкусным для одного существа может представлять жизненный интерес для другого. Эта специфичность живых систем является фактором, определяющим специфичность когнитивных систем – одна и та же информация может иметь разный смысл для различных субъектов.

Итак, важные положения, на которые следует обратить внимание в поисках разграничения информационного и когнитивного пространств:

– способность получать данные об окружающей действительности – это способность, присущая всему живому и обеспечивающая жизнеспособность живого; обладание информацией как данными, отражающими свойства действительности, детерминирует деятельность и создает необходимые условия для планирования деятельности;

– способность преобразовывать информацию в знания посредством формирования абстрактных понятий, отражающих не свойства объектов, а смыслы – способность, обеспе-

⁷ Понятие «месторазвитие» введено в науку работами евразийцев для обозначения совокупных свойств географического пространства, определяющих качественную сторону существования и развития общества [27]. Термин оказался удачным и вошел в современную науку, так как отражает системный характер формирования человеческой культуры, сознания, мышления.

ченная целым рядом когнитивных процессов, которые формировались в результате самоорганизации живых организмов – возникла в процессе усложнения технологий и вследствие необходимости организовывать большие группы людей; отличие информации (данных) от знаний (смыслов) заключается в отношении к ней (ним) людей;

– отношение людей к объективным сведениям о мире (информации) определяется системным характером среды, в которой существует человек; к элементам этой системы относятся: а) характер и уровень сложности доминирующей технологии, обеспечивающей жизнедеятельность социума, б) достаточность или недостаточность основного ресурса, соответствующего доминирующей технологии, в) пространственные характеристики среды, которые способствуют или препятствуют циркулированию информации, г) степень интегрированности социальной группы в макросоциальные процессы, которая определяет уровень конкурентности в социальной системе, и др. элементы;

– информация отражает объективную составляющую сведений о мире, а когниции отражают субъективную составляющую детерминантов деятельности (начиная с низших уровней – сортировки на полезную и индифферентную информацию простых организмов); информационное пространство соотносится в своем материальном аспекте с технико-технологическим ресурсом – наличием технических средств трансляции (от письма до интернет-сетей), а когнитивное пространство соотносится в материальном аспекте с носителем смыслов – социальной системой.

Понятия информационного и когнитивного пространства, по-видимому, вошли в научный язык не одновременно. Понятие информационного пространства – пространства, в котором создается, перемещается и потребляется информация – стало предметом научного анализа в 90-е гг. XX в., когда встала проблема организации технических систем и совмещения их с субъектом когнитивных процессов. До возникновения технических систем, обеспечивающих циркуляцию информации за пределы лингвистических, культурных и ментальных границ это понятие не имело смысла. Начало исследований информационного пространства было положено в трудах М. Буазо [8] и Г. Ньюби [28], которые сфокусировались на организационно-техническом аспекте. Ньюби позднее и предложил концепцию, в которой сопрягаются, но не сливаются когнитивные и информационные пространства [29]. Он предлагал строить архитектуру информационных систем в соответствии со спецификой когнитивной системы пользователя.

Но в обозначении некоторых пределов, в которых циркулирует информация, еще раньше нуждались лингвисты в связи с трудностями, возникающими в процессе перевода и развитием теории языка, а также специалисты в теории управления и межкультурных коммуникаций.

После Второй мировой войны Э. Холл [30] разрабатывал для Госдепартамента США программы адаптации дипломатов и менеджеров в странах американских интересов. Из этих разработок возникла теория межкультурных коммуникаций, а в дальнейшем теория нейролингвистического программирования. Холл и другие представители Cultural studies⁸ указали на частичную непроницаемость для информационных потоков социо-культурных

⁸ Cultural studies – научное направление в социо-гуманитарных исследованиях, предметом которого являются культурные процессы в современном обществе.

пространств или искажение транслируемой информации в процессе коммуникации. Эти исследования показали, что когнитивные пространства не совпадают ни с информационным, ни с лингвистическим пространствами, так как (ранее уже говорилось) значительная часть информации транслируется невербальным путем, но при этом конструирует или деформирует поступающую информацию. Теория межкультурных коммуникаций и теория нейролингвистического программирования наряду с лингвистикой стали теоретическим источником теории когнитивного пространства. Категория когнитивного пространства была введена в лингвистике А. Дж. Греймасом [31] в 80-е гг. XX в., который указал на две составляющих когнитивного пространства – знания и полагания. Для формирования теории когнитивного пространства значимой стала монография «Когнитивное пространство» П. Певерелли [32]. Певерелли вводит термин «Cognitive Space», рассматривая проблему сотрудничества между Западом и Востоком, которая была поставлена еще в 50-е гг. XX в. Э. Холлом.

В настоящее время в науке утвердилось следующее содержание понятия когнитивного пространства: «когнитивное пространство представляет собой иерархически сложное полиструктурное образование, включающее в себя когнитивные, семантические, семиотические, прагматические, психолингвистические, психофизиологические конститuentы, которые, с одной стороны, обеспечивают его многоуровневую организацию, с другой стороны, служат фильтрами восприятия входящей информации и векторами преломления исходящей информации в процессе коммуникации» [33]. Возникает вопрос: зачем же нужны эти «фильтры» восприятия информации и в процессе чего они возникли? Не естественнее ли было бы предположить, что чем более универсальна транслируемая информация, тем эффективнее она используется? Зачем нужны эти когнитивные барьеры в свободной циркуляции информации?

Частично ответ на эти вопросы уже дан ранее: понятия как смыслы складываются в процессе жизнеобеспечивающей деятельности. Некоторые понятия содержат в себе качественный аспект информации об объектах действительности, значимый только для этой социальной системы, только в контексте конкретной технологии обеспечения жизнеспособности популяции. А некоторые понятия содержат в себе указания на цели совместной деятельности (смыслы-мотиваторы), которые также актуальны только для конкретной социальной системы в конкретных естественных и социальных условиях. Вместе с тем мир социального бытия неоднороден, также как и мир естественных объектов. Физический мир представляет собой совокупность простых и сложных, замкнутых и открытых, стабильных и саморазвивающихся систем. Социальное бытие также состоит из систем разного уровня сложности, имеющих различный вектор социальной динамики, которые состоят друг с другом в конкурентных отношениях. Способность социальной системы решать стоящие перед ней проблемы находится в зависимости от адекватности понятийного аппарата – субстрата когнитивных процессов. Но тогда и, во-первых, жизнеспособность общественной системы находится в прямой зависимости от целостности когнитивного пространства, разрушение которого приводит к снижению эффективности когнитивных процессов. Во-вторых, разрушение когнитивного пространства (и это важнее) снижает эффективность целеполагания – рушатся общие идеалы, стереотипы (которые помогают быстрее и активнее реагировать на угрозы), распадаются консолидирующие смыслы. Социальная система, границы когнитивного пространства которой размыты, не имеет возможности активно и согласованно действовать в ситуации рисков и

угроз. Тогда как социальная система, которая активно раздвигает границы информационного пространства, имеет возможность эффективнее противостоять угрозам.

Таким образом, когнитивное пространство образуется в процессе усложнения социальной системы и создания материальных (техника), идеациональных (знания и технологии) и ментальных (цели, идеалы и мотивы) средств решения возникающих проблем. Когнитивное пространство функционирует на основе принципа рефлексивности – с одной стороны, формирует мышление и через него деятельность и поведение – с другой. Деятельность человека трансформирует среду как материальную, так и ментальную – когнитивную, т. е., когнитивное пространство формирует личность и формы ее деятельности (как когнитивной, так и предметно-практической), и вместе с тем изменение характера деятельности совокупности личностей изменяет и характер когнитивного пространства.

Подводя итог разграничению информационного и когнитивного пространств, определим в самом общем виде их домены. Информационное пространство – это пространство, в котором создается, перемещается и потребляется информация, и его домен – это данные. Когнитивное пространство – это регулятивная система на индивидуальном уровне, это пространство доминирования смыслов, идей, стратегий мышления определенной социокультурной общности; его домен – смыслы. Точкой пересечения двух доменов являются знания, которые представляют собой одновременно и совокупность данных о мире, и полагания, посредством которых мы взаимодействуем с миром, так как сами данные не инициируют это взаимодействия.

Современная эпоха характеризуется также повышенной рискогенностью и летальностью технических и когнитивных средств от деструктивных идеологий до средств нейрорлингвистического программирования, что ставит задачу формирования такого когнитивного пространства, в котором существовали бы единые для человечества смысложизненные ценности и единое понимание ценностных категорий. Для решения этой задачи – формирования когнитивного пространства, в котором возможно осуществление коммуникации в общей знаково-символической системе с общим представлением о наиболее важных константах бытия – необходима разработка модели когнитивного пространства. В настоящее время проблема разграничения понятий когнитивного пространства и смежных с ним – картины мира, ментального пространства, информационного пространства и т. д. – уже ставится в научных исследованиях [34], однако пока не существует ни общепринятого определения этого понятия, ни даже предварительной модели когнитивного пространства. Тема когнитивной безопасности поднята в коллективной монографии [35], однако, понятие когнитивного пространства обсуждается пока в контексте лингвистических проблем, а не в контексте теории безопасности.

Вместе с тем, чтобы эффективно осуществлять противодействие когнитивным разрушительным воздействиям на общественную систему, разрабатывать систему психологической защиты, необходимо опираться на понимание структуры когнитивного пространства, знание элементов, из которых оно состоит, и его принципиальные отличия от информационного пространства, которое может перекрывать границы социума, но не выполнять функции согласования позитивной деятельности социальных контрагентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Waldron T. The effects of urbanisation on human health // Diet and crafts in towns. The evidence of animal remains from the Roman to the post-Medieval periods / D. Serjeantson, T. Waldron (eds.). Oxford: British Archaeological Reports, 1989. P. 55–73.
2. Dawkins R. The selfish gene. Oxford: Oxford Univ. Press, 1976.
3. Fisher R. A. The Genetical Theory of Natural Selection. Oxford: At the Clarendon Press, 1930.
4. Сапольски Р. Кто мы такие? Гены, наше тело, общество / пер. с англ. А. Петровой. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
5. Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена / пер. с англ. А. Гопко. М.: Астрель: CORPUS, 2013.
6. Шмальгаузен И.И. Проблемы дарвинизма. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Наука, 1969.
7. Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М.: Ин-т развития информ. общ-ва, 2009.
8. Boisot M. Information Space: A Framework for Learning in Organizations, Institutions and Culture. London: Routledge, 1995.
9. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
10. ГОСТ Р 51583-2014. Защита информации. Порядок создания автоматизированных систем в защищенном исполнении. М.: Росстандарт, 2014.
11. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
12. Василенко В. А. Технологические уклады в контексте стремления экономических систем к идеальности // Соціально-економічні проблеми і держава. 2013. Т. 8, № 1. С. 65–72.
13. Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994.
14. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / пер. с фр. Е. Кальщикова. СПб.: Европейский Дом, 2002.
15. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий / пер. с нем. М.: Медиум, 1994.
16. Юнг К. Г. Различие восточного и западного мышления // Философские науки. 1988. № 10. С. 93–110.
17. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
18. Плебанек О. В. Когнитивная стратегия как технология обеспечения жизни // Информационно-Коммуникация-Общество: материалы Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, 27–28 янв. 2011 г. / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб., 2011. С. 220–223.
19. Беломестнова Н. В., Плебанек О. В. Сознание и культура в естественно-научной картине мира // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 43–53.
20. Ниддам Дж. Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке: сб. ст. / пер. с англ.; общ. ред. Столетова В. Н. М.: Прогресс, 1966. С. 155–160.
21. Плебанек О. В. Антропологические тренды глобального мира // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов, Екатеринбург, 2–5 июля 2015 / ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. Екатеринбург, 2015. С. 331–332.
22. Hall E. T. Beyond Culture. NY: Anchor Books, 1989.
23. Бурлак С. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
24. Пинкер С. Как работает мозг / пер. с англ. О. Ю. Семиной. М.: Кучково поле, 2017.
25. Гуревич Л. С. О правомерности использования термина «когнитивное пространство» в лингвистических исследованиях // Вестн. ЧитГУ. 2008. № 5 (56). С. 134–140.
26. Информационно // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
27. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

28. Newby G. B. Metric Multidimensional Information Space // Proceedings of The Fifth Text REtrieval Conference, Gaithersburg, Maryland, USA, Nov. 20–22, 1996. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Metric-Multidimensional-Information-Space-Newby/6f07b5f6bee1f9bc901c2d5638993be8cac8c66e> (дата обращения: 16.10.2023).

29. Newby G. B. The Strong Cognitive Stance as a Conceptual Basis for the Role of Information in Informatics and Information System Design // J. of the American Society for Information Science and Technology. 2001. Vol. 52. Iss. 12. P. 1026–1048. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.1172>.

30. Hall E. T. The Silent Language. Greenwood: Fawcett, 1968.

31. Greimas A. Ju. Towards a Semiotics of the Natural World // On Meaning: Selected Writings in Semiotic Theory / Transl. by P. J. Perron, F. H. Collins. Minneapolis: Univ. of Minnesota, 1987. P. 17–47.

32. Peverelli P. J. Cognitive Space: A social cognitive approach to Sino-Western cooperation. Delft: Eduron, 2000.

33. Гуревич Л. С. Когнитивное пространство метакоммуникации: основы прагмасемантического изучения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Военный ун-т. М., 2011.

34. Егорова М. А. «Когнитивное пространство» и его соотношение с понятиями «ментальное пространство», «когнитивная база», «концепто-сфера», «картина мира» // Вестн. Иркутс. гос. линг. ун-та. 2012. № 3. С. 61–68.

35. Кефели И. Ф. Прологомены когнитивной безопасности. СПб.: Петрополис, 2023.

Информация об авторе.

Плебанек Ольга Васильевна – доктор философских наук (2016), доцент (2004), профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, д. 14, ул. Смолячкова, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 160 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, социальная философия, глобалистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 04.07.2024; принята после рецензирования 22.07.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.

REFERENCES

1. Waldron, T. (1989), "The effects of urbanisation on human health", *Diet and crafts in towns. The evidence of animal remains from the Roman to the post-Medieval periods*, in Serjeantson, D. and Waldron, T. (eds.), British Archaeological Reports, Oxford, UK, pp. 55–73.

2. Dawkins, R. (1976), *The selfish gene*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.

3. Fisher, R.A. (1930), *The Genetical Theory of Natural Selection*, At The Clarendon Press, Oxford, UK.

4. Sapolsky, R. (2018), *Monkeyluv: And Other Essays on Our Lives as Animals*, Transl. by Petrova, A., Al'pina non-fikshn, Moscow, RUS.

5. Dawkins, R. (2013), *The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene*, Transl. by Gopko, A, Astrel': CORPUS, Moscow, RUS.

6. Shmal'gauzen, I.I. (1969), *Problemy darvinizma* [Problems of Darwinism], 2nd ed., Nauka, Leningrad, USSR.

7. Khokhlov, Yu.E. (ed.) (2009), *Glossarii po informatsionnomu obshchestvu* [Glossary on the Information Society], In-t razvitiya in-formatsionnogo obshchestva, Moscow, RUS.

8. Boisot, M. (1995), *Information Space: A Framework for Learning in Organizations, Institutions and Culture*, Routledge, London, UK.

9. Maturana, H. and Varela, F. (2001), *El árbol del conocimiento: las bases biológicas del entendimiento humano*, Transl. by Danilov, Yu.A., Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.

10. Rosstandart (2014), GOST R 51583-2014. *Zashchita informatsii. Poryadok sozdaniya avtomatizirovannykh sistem v zashchi-shchennom ispolnenii* [Information protection. Sequence of protected operational system formation. General provisions], Standartinform, Moscow, RUS.

11. Glaz'ev, S.Yu. (1993), *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of long-term technical and economic development], VlaDar, Moscow, RUS.
12. Vasilenko, V.A. (2013), "Technological structures in the context of the striving of economic systems for ideality", *Socio-Economic Problems and the State*, vol. 8, no. 1, pp. 65–72.
13. Lévi-Strauss, C. (1994), *La pensée sauvage*, Transl. by Ostrovskii, A.B., Respublika, Moscow, RUS.
14. Levy-Bryhl, L. (2002), *La Mentalité Primitive*, Transl. by Kal'shchikov, E., Evropeiskii Dom, SPb., RUS.
15. Jung, C.G. (1994), *Zur Psychologie Westlicher und Östlicher Religion*, Transl., Medium, Moscow, RUS.
16. Jung, C.G. (1988), "The Difference between Eastern and Western Thinking", *Russian J. of Philosophical Sciences*, no. 10, pp. 93–110.
17. Leont'ev, A.N. (1975), *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Conscience. Personality], Politizdat, Moscow, RUS.
18. Plebanek, O.V. (2011), "Cognitive strategy as a life assurance technology", *INFORMATION-COMMUNICATION-SOCIETY*, SPb., RUS, Jan. 27–28, 2011, pp. 220–223.
19. Belomestnova, N.V. and Plebanek, O.V., (2012), "Consciousness and culture in the natural science picture of the world", *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 43–53.
20. Needham, Jo. (1966), "Society and science in the East and in the West", *The science of science*, Transl., in Stoletov, V.N. (ed.), Progress, Moscow, RUS, pp. 155–160.
21. Plebanek, O.V. (2015), "Anthropological trends of the global world", *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii* [XI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia], Ekaterinburg, RUS, July 2–5, 2015, pp. 331–332.
22. Hall, E.T. (1989), *Beyond Culture*, Anchor Books, NY, USA.
23. Burlak, S. (2019), *Proiskhozhdenie yazyka: Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of language: Facts, research, hypotheses], 2nd ed., Alpina non-fikshn, Moscow, RUS.
24. Pinker, S. (2017), *How the Mind Works*, Transl. by Semina, O.Yu., Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
25. Gurevich, L.S. (2009), "On appropriateness of "cognitive space" term usage in linguistic research", *Vestnik ChitGU*, no. 5 (56), pp. 134–140.
26. Prokhorov, A.M. (ed.) (2000), "Information", *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Big encyclopedic dictionary], 2nd ed., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, Moscow, RUS.
27. Savitskii, P.N. (1997), *Kontinent Evraziya* [The Continent of Eurasia], Agraf, Moscow, RUS.
28. Newby, G.B. (1996), "Metric Multidimensional Information Space", *Proceedings of The Fifth Text REtrieval Conference*, Gaithersburg, Maryland, USA, November 20–22, 1996, available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Metric-Multidimensional-Information-Space-Newby/6f07b5f6bee1f9bc901c2d5638993be8cac8c66e> (accessed 16.10.2023).
29. Newby, G.B. (2001), "The Strong Cognitive Stance as a Conceptual Basis for the Role of Information in Informatics and Information System Design", *J. of the American Society for Information Science and Technology*, vol. 52, iss. 12, pp. 1026–1048. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.1172>.
30. Hall, E.T. (1968), *The Silent Language*, Fawcett, Greenwood, USA.
31. Greimas, A.Ju. (1987), "Towards a Semiotics of the Natural World", *On Meaning: Selected Writings in Semiotic Theory*, Transl. by Perron, P.J. and Collins, F.H., Univ. of Minnesota, Minneapolis, pp. 17–47.
32. Peverelli, P.J. (2000), *Cognitive Space: A social cognitive approach to Sino-Western cooperation*, Eduron, Delft, NDL.
33. Gurevich, L.S. (2011), "The cognitive space of metacommunication: fundamentals of pragmasemantic study", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, Military University, Moscow, RUS.
34. Egorova, M.A. (2012), "'Cognitive space' as juxtaposed to 'mental space', 'cognitive base', 'concept sphere' and 'world view'", *Vestn. Irkutsk. gos. ling. un-ta*, no. 3, pp. 61–68.
34. Kefeli, I.F. (2023), *Prolegomena of cognitive security*, Petropolis, SPb., RUS.

Information about the author.

Olga V. Plebanek – Dr. Sci. (Philosophy, 2016), Docent (2004), Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, University associated with IA EAEC, 14 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 160 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, social philosophy, globalism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 04.07.2024; adopted after review 22.07.2024; published online 20.11.2024.